
РОССИЯ: ОБРАЗЫ И СТЕРЕОТИПЫ

УДК 811.161.1'373.211.1 + 81'286

Елена Березович,
Юлия Кривошапова

ОБРАЗЫ МОСКВЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА. «ГЕОГРАФИЯ» МОСКВЫ

Elena Berezovich,
Iulia Krivoshchapova

THE IMAGES OF MOSCOW IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES. MOSCOW'S GEOGRAPHY

The authors focus on the linguistic image of the capital of Russia, Moscow, and its dwellers, as reflected in the Russian language (mainly, in its subdialects and the colloquial language). The image in question is studied referring to the data of foreign languages and dialects, mainly, Slavic (more particularly, East Slavic ones) along with the Romance, Germanic, Turkic, and Finno-Ugric languages. The linguistic image is based on the analysis of words derived from the name of Russia's capital as a result of semantic derivation as well as set expressions containing such words (e.g. Russian dialectal *Moskva* meaning *the core of a watermelon*, *Moskvu vidat'* (*to see Moscow*) *of thin tea or soup*, etc., Polish *moskal* of a species of small herring, Italian *Moscovita* – of frost meaning *severe, polar*, etc.) The authors take into account that in foreign languages the derivatives of the toponym quite frequently designate the idea of Russia as a whole, and not of Moscow. The article is the first of a two-article cycle on the subject. It explores popular ideas of Moscow's *geography* as reflected in the mirror of language. The authors single out a number of aspects of the image in question, i. e. *City space*; *The Role of Moscow in Russia's Space and Abroad*; *A Trip to Moscow*; A quality characteristic of space; Climate; *The World of Nature*. The analysis reveals the motivation of words and idioms, derived from the name of the capital. The authors also compare the Russian and non-Russian perception of Moscow.

Keywords: Russian studies; Slavic studies; ethnolinguistics; semantic derivation; Russian dialectal vocabulary; phraseology; derivatives of toponyms.

В центре внимания авторов – языковой образ столицы России (Москвы) и ее жителей, представленный в русском языке (преимущественно в говорах и просторечии). Этот образ изучается на фоне данных

иностранных языков и диалектов – главным образом, славянских (особенно восточнославянских), а также романо-германских, тюркских, финно-угорских. Языковой образ строится на основе анализа слов, образованных от названия российской столицы в результате семантической деривации, а также устойчивых сочетаний с участием таких слов (например, рус. диал. *москва* ‘сердцевина арбуза’, *Москву видать* ‘о жидком чае, супе’, польск. *moskal* ‘род мелкой сельди’, итал. *Moscovita* ‘о морозе: суровый, полярный’). Авторы учитывают, что в иностранных языках дериваты от изучаемого топонима нередко выражают представления не собственно о Москве, а о России в целом. Настоящая статья является первой в цикле из двух статей на эту тему. В ней изучаются народные представления о «географии» Москвы, отраженные в языковом зеркале. Выделяются различные аспекты изучаемого образа: «Внутригородское пространство»; «Роль Москвы в пространстве России и за ее пределами»; «Путешествие в Москву»; «Качественная характеристика пространства»; «Климат»; «Природный мир». В ходе анализа выявляются мотивировки слов и фразеологизмов, образованных от названия столицы. Осуществляется сопоставление «внутрироссийского» и «зарубежного» восприятия Москвы.

Ключевые слова: русистика, славистика, этнолингвистика, семантическая деривация, русская диалектная лексика, фразеология, оттопонимические производные.

Литература о Москве и ее роли в истории и культуре огромна. «Москвоведение» (публицистическое, беллетристическое и научное), ярко заявившее о себе в прошлые века произведениями П. И. Богатырева, В. А. Гиляровского, И. Е. Забелина, И. Т. Кокорева, И. А. Слонова, И. М. Снегирева, Н. Д. Телешова и др., насчитывает ныне тысячи наименований. В последние два десятилетия культурологи и литературоведы говорят о «московском тексте» или «московском мифе» русской культуры (из сборников и монографий, авторы которых оперируют этими понятиями, можно назвать, например, [Володихин; ММТ 1998; ММТ 2004; ММТ 2007; Люсый] и др.; в указанных книгах имеется также библиография вопроса). Не обойден вниманием исследователей и образ Москвы в русском фольклоре; среди последних работ ср., к примеру, [Иванова; Муравьев; Ястребова].

Менее изучен собственно языковой образ Москвы. Есть исследования, авторы которых показывают колорит речи столичных жителей, используя местную фразеологию, микротопонию, наименования специфических кушаний, одежды, карточных игр, имена известных купцов, трактирщиков, героев городских легенд и многое др. (например, [Елистратов; Иванов]). Эти данные рисуют в первую очередь внутреннюю жизнь столицы и ее обитателей, но гораздо в меньшей степени – представления о Москве и москвичах за ее пределами. Исследователи обращали внимание и на некоторые особенности восприятия топонима *Москва*. Так, женский род топонима (а также системные связи *Москвы* и *Петербурга*) способствовал именованию

Москвы *матушкой* (это имя встречается в фольклоре и литературе начиная с конца XVIII в. [Неклюдов, с. 373–379]) и созданию языкового мифа о брачных отношениях двух столиц [Ахметова, с. 119].

В то же время не стало объектом систематического изучения деривационно-фразеологическое гнездо «Москва». Так можно обозначить комплекс лексических фактов, в который входят семантические дериваты от слов *Москва, московский, москвич* etc. в русском языке (и их аналогов в иностранных языках), а также фразеологизмы с участием указанных слов. Ценность данных такого рода в том, что семантические дериваты и фразеологизмы составляют системно-языковое ядро образа Москвы и ее жителей, так как содержат непосредственное и регулярно воспроизводимое указание на связь с соответствующим топонимом и катойконимом. Именно этот материал будет в центре внимания авторов настоящей работы.

Обращение к наивному образу столицы, который на протяжении многих веков складывался в сознании носителя русского и иностранных языков, приобрело особую актуальность и даже злободневность в настоящее время, когда взаимоотношения России с ее ближайшими и дальними соседями подвергаются серьезному испытанию.

Основной массив изучаемых фактов принадлежит русскому языку. Используются данные, относящиеся к разным формам его существования, но упор делается не на книжную, а на народную языковую традицию – лексические единицы, функционирующие в русских говорах, просторечии и общенародном языке. Рассматривается не только нарицательная лексика, но и проприальная – вторичные топонимы (появившиеся в результате переноса – как правило, метафорического – имени *Москва* на микротопонимии), а также индивидуальные и коллективные прозвища, образованные от названия столицы. В иностранных языках деривационные гнезда имеют гораздо меньший объем, многие фрагменты образа в иноязычном языковом воплощении дают лакуны, но тем не менее эти лексические единицы представляют немалый интерес: они позволяют увидеть трансформацию образа в разных зонах удаления от номинируемой реалии – удаления как «физико-географического», так и политического, социального, культурного etc. В данной статье к анализу привлекается в первую очередь материал славянских языков и диалектов (особенно восточно- и западнославянских), реже – германских и романских, эпизодически – тюркских и финно-угорских.

Такой подбор материала призван раскрыть диалектику образа Москвы, который с позиций лингвистической прагматики устроен довольно сложно. Если учесть точку зрения говорящего, то в изучаемом образе следует предполагать наличие нескольких пластов («поясов»): языковые факты могут транслировать, во-первых, точку зрения жителей Москвы, во-вторых, населения России за пределами столицы, в-третьих, тех, кто живет за пределами России. Конечно, это «трехпоясное» деление грубое и условное, но определенные закономерности

сти в формировании образа оно отражает. При этом взгляд из Москвы дает внутреннюю позицию, взгляд из «заграницы» – внешнюю, а взгляд из «немосковской» России может быть как внешним (Москва ≠ Россия), так и внутренним (Москва – часть России)¹. Труднее всего обнаружить в языковом материале «внутримосковскую» точку зрения – более того, можно априорно предположить, что она будет реализована в незначительном количестве лексических единиц, поскольку внутри Москвы «московская маркировка» не должна обладать различительной силой. Кроме того, изучаемый материал (данные устной языковой традиции) практически не дает возможности установить, где могла образоваться лексическая единица (допустим, название одежды, типичной для жителей Москвы или ассоциируемой с ними) – собственно в Москве или на соседних территориях. Наиболее полно будут представлены те языковые факты, которые отражают второй «пояс» образа Москвы, связанный с точкой зрения жителей России за пределами столицы.

Нельзя не отметить, что многие дериваты (главным образом иноязычные) от слова «Москва» отражают не только значения 'столица России, Москва', 'московский', 'москвич', но и 'русский; российский', 'Россия': серб. *мо̀скѡвка* 'вид оружия (русская винтовка, заряжающаяся пятью патронами)', тур. *Moskof* 'житель России', англ. *Muscovy glass* («московское стекло») 'калиевая слюда, добывавшаяся в России' и др. В подобных словах и фразах закреплён метонимический перенос «имя столицы страны → имя страны», который был активен в разных языках в различные исторические периоды, ср. такие обозначения России (Великороссии), как англ. *Muscovia*, серб. *Московија*, укр. *Московищина*, польск. *Moskwa* etc. Получается, что изучаемые данные воссоздают концепт не только Москвы, но и России. Во многих случаях трудно отделить одно от другого: к примеру, практически невозможно установить, какая этнографическая реалья стоит за польск. *moskal* 'вид старой темной водки' (имеется в виду московское производство напитка или российское?). По этой причине мы решили не ограничивать материал только теми фактами, которые однозначно связываются с Москвой. В статье анализируется именно деривационно-фразеологическое гнездо «Москва», что позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира, связанный как с российской столицей, так и с Россией в целом.

Оговорим некоторые особенности подачи материала. Слова и фраземы русского языка даются с территориальными и социолингвистическими пометами. При диалектных фактах иностранных языков

¹ Еще раз отметим условность такого деления: так, «заграничная» позиция может отражать видение Москвы представителями тех народов, которые когда-то входили в состав Российской империи (Советского Союза), – сближаясь тем самым с «внутрироссийской». Неоднородность «заграничной» позиции, разумеется, будет зависеть и от характера социально-политических связей, соединявших (или разъединявших) народы. Кроме того, «заграничная» позиция не проецируется однозначно на понятие «иностраные языки»: допустим, факты мордовского языка следует рассматривать в связи с выражением «внутрироссийской» позиции. Все эти обстоятельства, разумеется, будут учитываться в ходе анализа.

территориальные пометы в большинстве случаев не ставятся; иногда они приводятся для лексических единиц тех языков, народы-носители которых входили в состав Российской империи (Советского Союза). При широко известных и стандартных данных русского литературного языка или иностранных литературных языков паспортизирующие справки опускаются. Кроме того, не паспортизируются сведения (чаще всего влилингвистического характера), извлеченные из Интернета по стандартным поисковым запросам и повторяющиеся на нескольких сайтах. Следует оговорить также особенности подачи контекстов из художественной литературы и публицистики. Если контекст выбирается из какого-либо лексикографического источника, то паспортизируется соответствующий словарь. Если контексты найдены в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ], то документирующая помета опускается (при этом даются указания на автора текста).

Анализируемый материал весьма обширен, поэтому для его освещения подготовлен цикл из двух статей. В настоящей статье будет изучаться один (наиболее объемный) тематический блок материала – «география» Москвы. Здесь будут рассматриваться представления о Москве (России) как городском² и природном пространстве. Языковые данные будут распределены по следующим рубрикам:

1. Внутригородское пространство.
2. Роль Москвы в пространстве России и за ее пределами.
3. «Путешествие в Москву».
4. Качественная характеристика пространства.
5. Климат.
6. Природный мир.

1. Внутригородское пространство

В наивном языковом сознании жителей России Москва предстает как город, где много больших домов. Этот признак реализуется, к примеру, в названии болота *Москва* в бассейне сибирской реки Казым: по мнению информантов, болото названо так потому, что на нем огромные кочки, похожие на многоэтажные дома, между которыми легко заблудиться (устное сообщение Т. Н. Дмитриевой).

Облик Москвы немыслим без церквей, ср. костр. *Москва* 'о деревне, где много домов и есть большая церковь': «Подойдут к нашей деревне, удивляются: церковь-то большая, выше домов. Скажут: “Вон Москва!”», «Идут куда, подойдут к большой деревне. В ей дома боль-

² Топоним *Москва* обозначает как город, так и реку, однако вторичные употребления в подавляющем большинстве случаев основаны на названии города. Косвенную связь с гидронимом *Москва* можно заподозрить, кажется, в рус. печор. *Москву без весел переехать* 'скандалить, проявлять необычайную храбрость и ловкость в ругани' [ФСГНП, т. 1, с. 411], но трудно быть в этом уверенным, поскольку вариант этого выражения – перм. *на языке через Москву переехать* 'говорить много; быть словоохотливым' [СПП, т. 2, с. 86] – допускает и «сухопутное» прочтение образа.

шие, церква высокая. “Ну, – скажут, – Москва!”» [ЛКТЭ]. И в народной, и в книжной традиции образ московских церквей непременно включает в себя золотые купола. В системе языка закреплено устойчивое сочетание *Москва – золотые маковки*³. Этот эпитет переосмысливается в названии поля *Москва – золотые маковки* (Верхнетоемск. р-н Архангельск. обл.) [ТЭ], а также в арх. *прощай, Москва – золотые маковки* ‘отом, что безвозвратно утрачено’ [КСГРС], простореч. *прощай, Москва – золотые маковки* ‘слова прощания со столицей – Москвой; также выражение может употребляться и при любом расставании’ [Кузьмич].

Устойчив также образ московских колоколов (московского звона)⁴, ср. жарг. *устроить московский звон* (*звон московских колоколов*) ‘ударить кого-л. с двух сторон по ушам’ [БСЖ, с. 221]. Ироническая трансформация образа (превращение колоколов в лапти) наблюдается в перм. фраземе *в Москве в три лаптя звонят* ‘о чьей-л. мнимой известности’: «Верно, Оля, про тебя в Москве в три лаптя звонят – все уж тебя знают» [СПГ, т. 1, с. 322].

Москва имеет большую протяженность. Мотив огромных расстояний характеризует Россию в целом и разные ее регионы (ср. устойчивые сочетания типа *российские расстояния, сибирские расстояния*). Что касается городов России, то этот мотив проявляется именно в образе Москвы, ср. типичные контексты: «Учитывая московские расстояния и многочисленные пробки, вы будете с персональным водителем проводить много времени вместе в машине»; «Задрали меня безумные московские расстояния»⁵. Мотив протяженности, трансформируясь в идею большого количества, косвенно реализуется в перм. *на языке через Москву переехать* ‘говорить много; быть словоохотливым’: «Ноги-то не ходят у меня, язык-от пока ходит – я бы на языке-то через Москву переехала» [СПГ, т. 2, с. 86], костр. *москву и питер* (*наговорить*) ‘наговорить, наболтать очень много’ [ЛКТЭ].

2. Роль Москвы в пространстве России и за ее пределами

Москва задает вектор в ориентационном поле. В различных регионах европейской части России (как северных, так и южных) выделяют ветер, дующий со стороны Москвы: влг. *москаль*, арх. *москов-*

³ Ср. примеры употребления этого сочетания: «Но вот уж и совсем близко; бульвар по сторонам дороги пресекался, вдали мелькнул шлагбаум, и перед глазами нашими развернулась громадная масса церквей и домов... Вот она, Москва – золотые маковки!» (М. Е. Салтыков-Щедрин); «И в Ромен ходил, и в Синбирск – славный град, и в самую Москву – золотые маковки...» (И. С. Тургенев).

⁴ Ср.: «Бурный вздох, пушечный удар, вопль восторга, рев пропеллера, взрыв, крик иступленного горя, московский звон дайте нам в революционном гимне» (С. Т. Григорьев), «Вы не смотрите, что маленькая <книжечка>, – в ней весь московский звон!» (М. И. Цветаева).

⁵ Гораздо реже встречается сочетание *питерские расстояния*; в образах других городов (в том числе очень крупных) данный мотив практически не проявлен (подробнее об этом см. в [Березович, Кривошапова, с. 114–115]).

ский ветер 'юго-восточный ветер' – «Московский ветер на полдень дует» [КСГРС], дон. *москвич* 'холодный северный ветер' – «Ну, падул масквич, типерь забирают <начнется ветренная погода>» [БТДК, с. 287], брян. *ветер московский*, тул., курск., ряз. *московский ветер* 'северный ветер' [СРНГ, т. 4, с. 191; т. 18, с. 285], тамб. *московец* 'то же' [СРНГ, т. 18, с. 285] и т. п. Подобные «ориентированные» названия ветров отмечены также в русских говорах Латвии (*москвич* 'холодный северный ветер' [СРНГ, с. 284]) и в северных диалектах Болгарии (*московец* 'северо-восточный осенний и зимний ветер' [БЕР, т. 4, с. 253]). Со стороны Москвы не только дует ветер, но и идет талая вода во время половодья: дон. *московская вода* 'холодное половодье с верховьев Дона' – «Спирьва халодная, маскофская вада прайдеть» [БТДК, с. 81]. «Синонимом» *Москвы* в указанных значениях может быть *Русь*, ср., например, арх. *русский (русской) ветер, ветер с Руси* 'южный или юго-восточный ветер' – «Русский ветер пошёл, из центра дует, с России» [КСГРС; Подвысоцкий, с. 85], дон. *русская вода* 'второй после разлива подъем воды в реке вследствие таяния снега в верховьях Дона' [СРНГ, т. 35, с. 272]. Ср. пояснение В. И. Даля к слову *московский* – «все русское, кроме Дона или Украины, то же, что в Сибири *русский* – не сибирский, из европейской Руси» [Даль, т. 2, с. 349].

В русской диалектной лексике акцентируется центральное расположение Москвы: кубан. *москва* 'сердцевина арбуза' – «Москву фсигда детям аддавали» [Борисова, с. 151]. По отношению к Москве «центральность» воспринимается, разумеется, не столько в пространственном, сколько в социальном ключе. Статус Москвы как административного, социального и культурного центра подчеркивается в устойчивых выражениях, построенных по модели «Х – Москвы уголок», где Х – областной или районный центр, «добившийся» возможности сравниться с Москвой: *Коломна – Москвы уголок, Арзамас-городок – Москвы уголок, Ярославль-городок – Москвы уголок, Кострома-городок – Москвы уголок* и проч. Эта фраза употребляется и по отношению к крупным деревням, ср. арх. *Москвы уголок* 'о большой деревне, являющейся административным и культурным центром' – «Раньше наша деревня считалась Москвы уголок: народу было много, школа, сельсовет, клуб, почта, библиотека», «*Борок – Москвы уголок*: много народу, вот и звали так» [КСГРС]. Несмотря на широкое распространение таких выражений и вариативность объекта сравнения с Москвой, жители каждой области или района считают свой «малый центр» уникальным (к примеру, ср. о Костроме в [Шапошников, с. 3]).

Представление о высоком статусе Москвы может находить воплощение в признаке верхнего положения, который мотивирует словац. диал. *moskál'* 'верхний сноп в кладке снопов, уложенных в поле' [SSN, т. 2, с. 191] (сходный образ лежит в основе игрового термина *москва*, называющего верхний сучок на палке в одноименной игре, см. раздел «Путешествие в Москву»).

Пространственные связи, задаваемые Москвой, нередко воплощаются в оппозиции «центр, столица – периферия». Показательно выражение *далеко от Москвы* ‘о городах, поселках и т. п., удаленных от центра, о провинции’: «Я так, например, перестала писать о книгах, выпускаемых “далеко от Москвы”» («Литературная газета», 01.01.1986) [ТСЯС, с. 345; РФ, с. 450]. Авторы указанных словарей считают, что выражение обязано своим появлением одноименному роману В. Н. Ажаева (1948) [Там же]. Кажется, это утверждение небесспорно: по данным [НКРЯ], контексты, реализующие указанный смысл, фиксировались задолго до появления романа Ажаева, ср., к примеру: «Я бы схоронил тебя где-нибудь в глухом поместье, далеко от Москвы, или свез бы в монастырь; но не женился бы на тебе, видит бог, не женился бы!» (А. К. Толстой, 1842–1862). Можно предположить, что Ажаев использовал в названии романа известную ему фразу, а роман, в свою очередь, способствовал ее более широкому распространению. Некоторые авторы «закавычивают» это выражение в своих текстах, подчеркивая тем самым, вероятно, восприятие его как цитаты: «Теперь, когда Вы так “далеко от Москвы”, я еще больше, поверьте мне, думаю о Вас...» (Вен. Ерофеев).

Довольно широко употребительно на протяжении последних восьми десятилетий (особенно в советское время) другое «цитатное» выражение – *от Москвы до самых до окраин*, которое представляет собой строку из знаменитой «Песни о родине» И. О. Дунаевского на стихи В. И. Лебедева-Кумача (из кинофильма «Цирк», 1936), ср.: «Не десять и даже не пять лет, а пройдет два-три года – и они заполнят все политическое пространство от Москвы до самых до окраин» (М. Симашко, 2001). В значении этого выражения (‘о распространении, действии чего-либо на всей территории Советского Союза <а после 1991 г. – России. – Е. Б., Ю. К.>’ [ТСЯС, с. 345]) есть указание, во-первых, на охват пространства, во-вторых, на центробежное движение, заданное столичным положением Москвы.

3. «Путешествие в Москву»

В предшествующей рубрике говорилось о том, что выражение *от Москвы до самых до окраин* позволяет реконструировать некий сценарий, предполагающий центробежное движение. Характерно, что в крестьянской традиции выделяется иной вектор движения, связанного с Москвой, – центростремительный.

Так, в разных губерниях бывшей Российской империи была известна детская игра, моделирующая путешествие из дома в Москву. До нас дошли описания этой игры (которую иногда называли *Москва*) из Симбирской, Смоленской, Могилевской губерний [ИНС, с. 535–536; МД, с. 498; Покровский, с. 294–295] и др. Играющие выбирали палочку со множеством сучков, торчащих в одну сторону

в виде крючков. Первый сучок обычно назывался именем той деревни, где играют, а самый верхний сучок – *Москвой*. У каждого играющего была своя палочка с крючком, и эти палочки вешали на сучки основной палки. Цель игры – добраться до верха, до *Москвы*. В числе промежуточных станций назывались те, которые можно было встретить на пути из своей деревни в Москву (например, при движении из Гомельского уезда – *Гомель, Белица, Климовск, Чернигов, Козельск, Бровары, Киев* и т. п., из Смоленской губернии – *Королево, Тушино, постоялый двор, кабак* [ИНС, с. 535–536]). Кто раньше других возвратится из Москвы, тот делается царем, победителем, который наказывает отставших щелчками в лоб [ИНС, с. 536; МД, с. 498]. Москва здесь – аксиологически выделенный пространственный предел, пункт, имеющий самую высокую (в буквальном смысле этого слова) значимость, некий «центр мира».

Москва задает визуальный предел, определяет виртуальную линию горизонта, что своеобразно преломляется в выражениях, описывающих слабый чай (= «настолько прозрачный, что, глядя через стакан, можно увидеть Москву»): простореч. *Москву видать*, арх., влг., костр., печор. *Москва (Москву) видко (видно, видать)* – «Завари чай, а то совсем белый чай-то, Москву видать» (печор.) [ЛКТЭ; ФСГНП, т. 1, с. 411; КСГРС], костр. *Москва из чайника видна, Москву и Питер видно* – «Долей ещё заварки, а то вон у тебя Москва из чайника видна!» [ЛКТЭ], влг. *в стакане Москву видно* – «Бабка заварила – в стакане Москву видно – некрепкий и есть» [СГРС, т. 2, с. 201], арх. *Москва и Вологда видать* [КСГРС], влг. *(на Красной Площади) москвичи бегают* [Там же], арх. *московский чай* [Там же] и др. Этот же образ представлен в обозначениях жидкого супа, тонко нарезанного хлеба, сыра (простореч. *Москва на воде 'жидкий суп'* [Елистратов, с. 354], костр. *Москва видать 'о прозрачном пустом супе'* – «Это суп прозрачный, там ничего нет, в тарелку нальёшь, так и Москва видать, там рисунок видно» [ЛКТЭ]; селигер. *Москву видать 'о жидком чае, супе'* [Селигер, т. 3, с. 299]; костр. *Москва-родня видно 'о тонком куске хлеба или сыра'* – «Как тонкий отрежешь – так вся Москва-родня видно» [ЛКТЭ]) и даже широких ноздрей (влг. *Москва видать* – «Ноздри-то большие у мужика. В ноздю поглядишь, так Москва видать» [КСГРС]).

При виртуальном центростремительном движении к Москве подчеркивается ее удаленность, ср. поговорку «В тереме высоко, а до Москвы далеко» [Муравьев, с. 342]. Дистанционная символика Москвы проявляется во многих экспрессивных фраземах, включающих конструкцию *до Москвы*, с помощью которой передается образ дальнего расстояния. Это расстояние «измеряется» или в путевых мерах (печор. *как до Москвы пешком (идти) 'далеко идти куда-то'* – «До их пожни как до Москвы пешком» [ФСГНП, т. 1, с. 306], блр. диал. *як да Маскву ра́кам 'о далеком и долгом путешествии'* [СБНП, с. 258]), или через другие образы большого количества, чаще всего социальные (множества людей, обычно родни): простореч. *до Москвы не пере-*

вешать (кого, чего) ‘очень много кого-, чего-либо’ – «Мало ли у нас родни по купечеству, – ответила Марфа Семеновна с деланно глупым лицом. – До Москвы не перевешать, а пообедать не у кого» (Д. Мамин-Сибиряк) [ССРЛЯ, т. 9, с. 477], влг. *до Москвы не переставишь* ‘то же’ – «Что я ей наговорила, до Москвы не переставишь» [СГРС, т. 3, с. 251], простореч. *до Москвы раком не переставить* ‘то же’⁶, дон. *до Москвы не перевешаешь* ‘то же’ [Брысина, с. 53], костр. *до Москвы родня (родни)* ‘о дальней родне’ [ЛКТЭ], пск. *знать до Москвы (до Москвы знать)* ‘знать обо всем’ – «Мать балтуха на язык-та тожэ, да Масквы знае, фсих знае, фсё у ней празрёна» [ПОС, т. 18, с. 377; СПП, с. 54] и др. В таких выражениях тоже может проявляться ценностное отношение к Москве, ее нерядоположенность другим объектам окружающего мира: блр. диал. *як да Маскву ра́кам* ‘о тех, кто не ровня друг другу, между кем большая разница’ [СБНП, с. 258].

Если в предыдущих выражениях измерялась дорога до Москвы, то нижеследующие воплощают мотив поездки в Москву, который весьма значим для жителя провинции. Многие мечтали осуществить такую поездку хоть раз в жизни, воспринимали ее как особо радостное событие (влг. *как в Москву съездить* ‘о состоянии блаженства, полного удовлетворения чем-либо’ – «Выпили да закусили – хорошо, как в Москву съездили» [СГРС, т. 5, с. 23]), которое резко выбивается из будничной жизни, является приятным увеселением⁷, ср. рифмованное просторечное выражение (*поехать*) *в Москву разгонять тоску*: «Нам в Москву сперва надо. – В Москву, разгонять тоску! Чего там забыли?» (А. Приставкин); «Я и ну катать, – да потом как опомнился, что такое натворил, – шапку в охапку, да марш большою дорогою через забор в Москву, разгонять тоску» (Н. Лесков) (ср. также присловье: «Поезжай в Москву продавать тоску, купи радости-веселости» [Муравьев, с. 349]). Однако такое развлечение не всегда считалось оправданным: рус. сиб. *поехать в Москву за песнями* ‘поехать, пойти куда-либо без определенной цели’ [ФСРГС, с. 141], блр. диал. *пайсці як у Маскву за песнямі* ‘об ушедшем человеке, которого никак не дождутся’ [СБНП, с. 258]. Поездка в Москву могла быть тяжелой и очень дорогой: рус. пск. *в Москву съездить* ‘о неудачной или слишком дорогой поездке куда-н.’ [ПОС, т. 18, с. 377]⁸. Несбыточность

⁶ Здесь иронически переосмыслиется образ, который был представлен выше, в выражении *як да Маскву ра́кам* ‘о далеком и долгом путешествии’. Во фраземе, характеризующей путешествие, имеется в виду зооним (рак, как известно, символ медлительности), а выражение *до Москвы раком не переставить* основано на обороте *поставить раком*, который является грубо-вульгарным обозначением позы человека. Ср. также влг. *раком до Москвы поставлю!* ‘угроза кому-либо’ [КСГРС].

⁷ В картине мира, характерной для «высокой интеллигенции», поездка (отъезд) в Москву воспринималась и как отрыв от пошлой повседневности, прорыв к культуре и духовности, ср. героинь чеховских «Трех сестер» с их рефреном «В Москву! В Москву!», который стал крылатым.

⁸ Ср. «В Москву бресть – последнюю деньгу снести» [Муравьев, с. 338], «Хотел с Москву сапоги снести, ан дай Бог голову унести» [Там же], «Не хвались в Москву, а хвались из Москвы» [Там же, с. 339], укр. «В Москву з грішми, з Москви з вішми» [Номис, с. 601].

мечты о московской поездке (вкпе с представлением о ее развлека-тельном, «нерабочем» характере) отражена в шуточных выражениях типа перм. *на языке в Москву уехать* 'словесно описать и предста-вить многое' – «Бойка она, на языке-то в Москву уедёт, а на деле-то ничё-ка, нисоко» [СПГ, т. 2, с. 468], сиб. *поедет до Москвы на языке* 'о человеке, который все может разузнать, найти' [ФСРГС, с. 141]. Кроме того, в этих идиоматических сочетаниях могли «рикошетом» отразиться представления о болтливости москвичей.

Возвращались из путешествия в Москву обычно с подарками. Московские гостинцы вышучиваются в укр. паремии «“Якого ти мені, тату, гостинця купив?” – “Московську бурулька”» [Номис, с. 544]. *Бурулька* – 'сосулька'; возможно, в основе этого выражения – представ-ление о том, что подарки из Москвы очень дороги (привезти можно разве что сосульку), а путь настолько долог, что их трудно сохранить⁹.

Поездка в Москву повышала социальный статус путешественни-ка, ср. *Москвич* 'прозвище жителя дер. Малая Стрелка Октябрьск. р-на Костромск. обл.' – «Мужик в Москву съездил, дак все уважали его» [АКТЭ].

Переосмысление названных обстоятельств (высокий статус по-бывавшего в Москве и возвращение не с пустыми руками) отража-ется в целом ряде шуточных фразеологизмов эвфемистического ха-рактера, в которых такая поездка сравнивается с родами: селигер. *ехать в Москву за песней* 'шутл. собираться рожать' [Селигер, т. 2, с. 68], новг. *съездить в Москву* 'родить ребенка' [СРНГ, т. 43, с. 111], пск. *жёнка в Москву съездила, жёнка с Москвы приехала* 'жена ро-дила (эти выражения употребляются у крестьян особенно тогда, когда муж зовет священника на крестины)' [Опыт, с. 58], тюмен. *до Москвы съездить* 'то же' [Лютикова, с. 39] и др.¹⁰. Интересное раз-витие этого образа наблюдается во фразеологии пермских говоров: поездка в Москву трактуется как рождение мальчика, в то время как рождение девочки воспринимается как «нестатусное» путешествие (под лавку или в деревню *Ватюки*¹¹): *доехать до Москвы* – «Парня родишь – до Москвы доедешь, а девка – это чужой товар» [СРГЮП, т. 1, с. 237], *съездить в Москву, до Москвы* – «Я за жизнь 7 раз в Мос-кву ездила – 7 сынов у меня» [СПГ, т. 2, с. 428], *съездить в Ватю-ки* – «Дарья-та в Ватюки съездила, двух девок привезла» [Там же], *под лавку съездить* – «Ждали сына, а родилась девка – под лавку съездила» [ФСПГ]. Это противопоставление лишний раз подчерки-вает высокую социальную «стоимость» поездки в Москву в глазах диалектоносителей.

⁹ Ср. также укр. «Цить-цить: мати принесе московську бурулька <сосулька>» [Номис, с. 409], «Матері твоїй московська бурулька!» (это выражение имеет тот же смысл, что и «Матері твоїй дуля!») [Там же, с. 176].

¹⁰ Ср. также эротическую песню «Поедемте в Москву, купим колокольчик», где по-ездка в Москву символизирует половой акт [РЭФ, с. 298–299].

¹¹ По всей видимости, имеется в виду деревня *Вотюки* Пермск. р-на Пермск. края, см. подробнее в [Березович, 2012а, с. 46–47].

Печальная ирония судьбы в том, что с поездкой в Москву связывается не только рождение, но и смерть человека. Это косвенно проявляется в вологодском топониме *Московская Тропинка*, который является обозначением дороги на кладбище: «Многие у нас мечтали в большой город поехать. Да не вышло. Все уж поумирили. А после смерти пусть им будет большой город» (дер. Дресвяново Бабушкинск. р-на Вологодск. обл.) [ТЭ]. Помимо идеи дальнего путешествия (с которой связаны представления о смерти и захоронении), здесь учитывается и «густонаселенность» кладбища. Можно предполагать и то, что «московская мечта», существующая в сознании русских крестьян, сближает этот «сказочный» город с раем.

Таким образом, мотив поездки в Москву дает сомкнувшийся круг человеческой жизни – приехавший из Москвы человек, прожив жизнь, уезжает туда же.

Следует сказать и о мотиве показать Москву, который тоже фиксирует яркий «стоп-кадр» в картине взаимодействия приезжих со столицей, ср. простореч. *показать Москву* ‘подойдя к кому-л. сзади, обхватить ладонями уши и потянуть вверх или приподнять’, *показать Москву в решете* ‘обмануть, одурачить кого-л.’ [БСРП, с. 413]. Не обошел вниманием язык и «реакцию» того, кому *показали Москву*: простореч. *увидеть Москву* ‘сощуриться, съев что-либо кислое’, костр. *Москву видать* ‘то же’ – «Ну, проглотил, – аж Москву видать» [ЛКТЭ], ср. также блр. диал. *Маскву ўвидзець* ‘зажмуриться от кислого вкуса’, *Масква відна* ‘о зажмуривании от кислого вкуса’ [Юрчанка, с. 91], укр. *аж Москва (Киев) видно* [Номис, с. 543].

4. Качественная характеристика пространства

В нашем материале имеются лексические единицы, в которых отражено самое общее представление о том, что Москва – «о человеческое», заселенное, свое пространство, ср. влг. *москва* ‘о береге озера, где находятся деревни, жильё’ – «Москва уже видать, скоро приплывём» [КСГРС]. *Москва* в этом смысле – «синоним» *Руси*, ср. арх. *выйти на русь* ‘возвращаясь из открытого моря, подойти ближе к жилью’ [СГРС, т. 2, с. 226], арх. *выйти на русь* ‘прийти на родные места’ [АОС, т. 6–7, с. 240] (подробнее о семантике выражения *выйти на русь* см. в [Березович, 2011, с. 9–11]). Таким образом, *Москва*, как и *Русь*, – эталон заселенного места, противопоставленного неосвоенной водной стихии. Восприятие Руси как своего пространства может «интериоризоваться», приобрести психофизический смысл: «русскость» характеризует нормальное, привычное физическое состояние человека. Отмечены слова, внутренняя форма которых читается так: «становиться русским = самим собой, хорошо себя чувствовать»; к этим словам можно отнести влг. *русеть*, *русовать* ‘чувствовать себя хорошо, быть в своей тарелке (обычно с отрицанием)’, влг., костр. *обрусеть* ‘выздо-

роветь', орл. *выйти на русь* 'то же' (подробнее см. [Березович, 2011, с. 13–14]). Возможно, сходную мотивацию имеет костр. *московать* – «Не москвует тело, не москвует и душа» (нет силы, нет мочи) [СРНГ, т. 18, с. 285]. В этом случае следует предполагать, что этот глагол образован от топонима *Москва* (исходно **москвовать*?), а его внутренняя форма раскрывается как «быть в Москве = в привычном месте и состоянии».

Во вторичных микропонимах ярко проявляется мелиоративная оценка *Москвы*: поле *Москва* – «Там хорошая земля, вот поле Москвойто и назвали» (дер. Хребтово Великоустюгск. р-на Вологодск. обл.); дер. *Москва* – «Кто-то сказал, что эта деревня лучше всех» (дер. Мондур Кичменьгско-Городецк. р-на Вологодск. обл.); часть дер. *Москва* – «На горе там получше жили, всё кофе пили, вот и звали их Москва, Москвы уголок» (дер. Кунгурка Ревдинск. р-на Свердловск. обл.) [ТЭ].

5. Климат

В изучаемом лексико-фразеологическом комплексе проявляется и тема климатических условий, при этом упоминается исключительно мороз. В русском языке сочетания *московский мороз* (*московские морозы*) и *московские холода* являются относительно устойчивыми, но не частотными (разумеется, они уступают в популярности оборотам типа *сибирские морозы*, *уральские морозы* и проч.), ср.: «А тогда, на прощание – дело было в конце декабря, и на улице стоял несвойственный Парижу суровый, почти московский, мороз, – она пригласила нас с Сашей на Рождественскую мессу» (Н. Воронель), «Отцу он радостно вручил енотовую шапку с ушами – на московские холода» (А. Цветаева). Мотив мороза встречается в других европейских языках, при этом, вероятно, «московский» скорее понимается как «русский (российский)»: польск. *mróz moskiewski* – «Mróz moskiewski, gdy z paszczęki swej koziorożec wyuści, niepochybnie winogrod pomrozi» («Мороз “московский”, который из пасти своей Козерог выпустит, обязательно виноград поморозит») ‘о зиме, сильных морозах’ [Linde, t. 2, s. 144], итал. *Moscovita* ‘особенно интенсивный, суровый, полярный (гипербола холода)’ – «Ci avevano cacciati come buci in un carrozzone in gennaio; faceva un freddo moscovita e tirava un vento agghiacciato» («Нас гнали, как быков, в вагоне третьего класса без крыши и стекол; был январь; стоял “московский” холод и дул ледяной ветер») (Арриги) [Battaglia, v. 10, s. 992].

6. Природный мир

Наиболее распространены «московские» названия культурных растений – как правило, это морозоустойчивые, неприхотливые сорта, выведенные для климатических условий средней полосы Рос-

сии. К примеру, в русской ботанической номенклатуре отмечается название сорта яровой пшеницы *московка*: сорт выведен для нечерноземной полосы, в условиях которой устойчив к полеганию и осыпанию [БСЭ, т. 28, с. 390]. Некоторые из наименований такого рода фиксируются в диалектных и литературных словарях: рус. ряз. *московка* 'сорт моркови' – «Нонешний год московку посеяла, какая морковь вырастет, не знаю... тады все удавалась сладкая» [Ванюшечкин, с. 233], укр. *москаль* 'сорт чеснока'¹² [Гринченко, т. 2, с. 447], нем. *Moskowiterapfel* («московская (русская) яблоня») 'вид морозоустойчивых яблонь, сибирская яблоня' [DWB, bd. 6, s. 2597], польск. *moskalec* 'вид картофеля' [SW, t. 2, s. 1046] (ср. в русской ботанической номенклатуре название морозоустойчивого раннеспелого сорта картофеля «Московский»).

Наряду с полезными растениями «московскую маркировку» получают их дикие собратья или же растения с менее ценными свойствами, которые оказываются «сниженными двойниками» культурных. «Московские» номинации такого рода характерны в первую очередь для иностранных языков. Показательно, к примеру, нем. *Moskowiterkohl* («московская (русская) капуста») 'снить обыкновенная, *Aegorodium podagraria*' [DWB, bd. 6, s. 2597] – дикий аналог капусты, чьи неразвернувшиеся листья и молодые листовые черешки употребляют для приготовления щей, борща и ботвиньи. В болгарских говорах отмечены названия злостного сорняка, игольчатого дурнишника (*Xanthium spinosum*) – *московски бодил* («московская колючка, московский чертополох»), *московско трънъе* («московский терн») [БЕР, т. 4, с. 253]¹³: растение оценивается через образ инородца – как дикое, вредное, сорное и проч. В украинском языке 'сорт льна, семя которого не вылуцчивается само собой' называется *москаль* [Гринченко, т. 2, с. 447] (ср. рус. *сибирский лен* – 'на месте, дикий, плоше сеяного' [Даль, т. 4, с. 180]). Подобные наименования следует рассматривать как ксенонимы – специфические лексические единицы, возникшие в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов и мотивированные обобщенными представлениями о чужих народах и землях. Эти воззрения содержат оценку, которая чаще всего негативна (чужое оценивается как аномальное, «ненастоящее», примитивное, дикое, «неокультуренное», вредное etc.). Анализируя подобные фитонимы, следует учитывать и альтернативную географическую мотивацию, ср., например, польск. *korzenie moskiewskie* 'ревень' [SW, t. 6, s. 296]: вполне возможно, здесь мотивирующую роль играет не оценка (помимо окультуренного известен дикий ревень, который

¹² Как указывается на различных сайтах Интернета, этот сорт, известный не только на Украине, но и в России, отличается морозоустойчивостью. В то же время растениеводы говорят, что этот чеснок имеет крайне острый, «ярый», «пекучий» вкус. Возможно, этот признак тоже сыграл мотивирующую роль – и в названии в образной форме отражены представления о «воинственности» москалей-солдат.

¹³ Ср. параллельное название этого растения – *казашки бодил* («казацкая колючка») [БЕР, т. 4, с. 253].

мог бы оцениваться негативно), а распространение растения (разные сорта ревеня практически повсеместно произрастают в Азии, а Москва (Россия) имеет стойкие «азиатские» ассоциации).

Несколько «московских» названий прилагаются к грибам. «Внутренним» номинативным «взглядом» отмечен в первую очередь гриб боровик: рус. перм. *москаль* – «Раньше эти грибы звали москали – сейчас боровики зовут, боровик хороша губа-та считается; москали – их мостками: один, дак москаль» [СПГ, т. 1, с. 525], морд. *московский гриб* [СРГМ, т. 1, с. 160], арх. *московик, московский гриб (дорогой гриб)* [КСГРС]. Боровик – благородный гриб, ценнейший в грибной «иерархии», что позволяет определить для его обозначений мотивационный признак «хороший, качественный»; ср. также костр. *русский гриб* ‘белый гриб’ [ЛКТЭ], демонстрирующее семантику «настоящего», высоко оцениваемого. Подобные факты могут быть рассмотрены на фоне других мелиоративных коннотаций, свойственных элементам деривационно-фразеологического гнезда «Москва».

В польских говорах фиксируется *moskalik* ‘гриб подосиновик, *Lessinum rufum*’ [Турга, s. 109]. Возможно, для этого миконима значим внешний вид гриба: речь идет о красном подосиновике, очевидно напоминающем солдата-москаля в красной шапке¹⁴.

Рыба. Дериваты топонима «Москва» встречаются в украинских и польских обозначениях морской рыбы, чаще всего сельди, ср. укр. *москалик* ‘род морской рыбы’ [Гринченко, т. 2, с. 447], польск. *moskal* ‘род мелкой сельди’ [SJPД], *moskal, moskalik* ‘маленькая рыбка, известная в торговле под названием российской сардинки’ [SW, t. 2, s. 1047].

«Московские» определения сельди поддерживают «русскую» модель обозначений рыбных консервов, а именно шпрот и сардин, изготавливаемых из балтийской селедки: чеш. *rus* ‘балтийская сельдь’ [Machek, s. 525], *rus, ruska sardinka, rusňáček* ‘маленькая маринованная рыбка, русская сардинка’ [PSJČ, t. 4/2, s. 1075, 1077], словац. *rus* ‘шпрота обычная’ [SS], t. 3, s. 894], словен. *rús, rúsel* ‘маринованная сельдь с большой луковицей’ [SSKJ, knj. 4, s. 556], польск. диал. *rusy* ‘маринованные сельди’ [SGŚC, s. 294] и др. В названиях такого рода в первую очередь отражены представления о балтийских шпротах, которые производились в Прибалтике и Калининграде, откуда их завозили в Европу (шпроты считаются русскими, поскольку прибалтийские республики входили в СССР, а Калининград находится на территории Российской Федерации) (подробнее о «русской» селедке см. [Березович, 20126, с. 179–181]).

Кроме прибалтийских консервов «русскими» («московскими») считались и черноморские рыбные маринады, изготовленные из анчоуса (хамсы) и не имеющие к реальным сардинам никакого отношения, ср. укр. простореч. *москалик* ‘селедка, маринованная в уксусе’ –

¹⁴ Неясен мотивационный признак, положенный в основу пск. *москвич* ‘гриб со шляпкой темной сверху и зеленой снизу, который синее при засолке’ [ПОС, т. 18, с. 377]. Возможно, имеет место метонимический перенос на основе названия боровика.

«До войны из Советского Союза экспортировали на всю Европу маринованные селедочные спинки. Вкусно приготовленные и закрученные колечками. Их продавали в стеклянных банках. В Польше их совсем официально звали “москалики”» (Крушельницкая) [ЛЛ, с. 460]. Украинские этимологи указывают, что укр. *москаль*, *москалик* ‘черноморско-азовский анчоус, хамса, *Engraulis encrasicolus* L.’ заимствовано из польск. *moskal* ‘род мелкой сельди’, ср. также укр. *російська сардинка* [ЕСУМ, т. 3, с. 519].

Очевидно, сходную с названиями селедки мотивацию имеет и обозначение рыбы семейства окуневых – барабульки: румын. *muscalic* ‘барабулька, *Mullus barbatus ponticus*’ [DLR, t. 9, s. 1022]. Этой рыбой издавна славилось Черное море.

Таким образом, «русской» (= «московской») извне считается рыба, имеющая, условно говоря, российское (прибалтийское или черноморское) происхождение. Можно допустить, что дополнительную мотивацию для названий сельди дает стереотипное представление о пищевых привычках русских: селедка (с луком) – распространенная в России закуска (часто под водку)¹⁵.

«Московская» номинативная модель встречается и в названиях насекомых. Через слово *москаль* (*moskal*) определяются: 1) клоп-солдатик, *Pyrrhocoris apterus* (укр. *москаль москалик, москальчик* [Гринченко, т. 2, с. 447]); 2) пчеловидная муха (рус. сев., новосиб. *москаль* – «Строку *москалем* зовут, вот в 60-м году *москалей* появилось, летают густо, шли на запад» [КСРНГ]; 3) черный таракан, *Blatta orientalis* (словац. диал. *moskál* [SSN, t. 2, s. 191]); 4) божья коровка, *Coccinella quinquemaculata* (укр. *москалик* [Гринченко, т. 2, с. 447]); 5) стрекоза, *Libellula* (блр. гомельск. *маскаль, мыскаль* [ЭСБМ, т. 6, с. 246]). Очевидно, приведенные лексемы реализуют этнонимическую модель, которая широко представлена в обозначениях самых разных насекомых – например, тараканов (рус. литер. *прусак*, диал. *немец, киргиз*, укр. *швед, жидочок*, польск. *francuz, hiszpan, jaronec, mazur, moskal, rus*, серб. *бубашваба, бубаруса* и др.), вредителей посевов (рус. литер. *шведская муха, шпанка*, блр. *жмодзь*, укр. *шваб*), кусающих насекомых и паразитов (рус. новг. *американец*, блр. *нимцы, австрийцы*, болг. *турчин-кукурчин*, укр. *москаль*) etc., подробнее об этой модели см. [Березович, 2007, с. 426–432]. Думается, базовым признаком, лежащим в основе семантического переноса «представитель чужого этноса → насекомое», является способность этих насекомых скапливаться, подобно солдатам, и наносить «удар» (особенно это касается тараканов и мух). Что касается названия клопа-солдатики, то здесь есть дополнительный мотивирующий момент: внешний вид клопа как нельзя

¹⁵ Завершая разговор о рыбах с «московскими» названиями, приведем также пск. *москва* ‘молока’ – «Силётка с ыкрой – самка, а с москвой – самик» [ПОС, т. 18, с. 377]. Происхождение этого слова неясно. Если оно производно от топонима, то можно допустить, что мотивировано признаком ценных питательных свойств этой части рыбы (что соответствует мелиоративным коннотациям, присутствующим в семантике имени *Москва*).

лучше соответствует русской амуниции XIX в. (на черном фоне выделяются передне спинка и надкрылья с красным рисунком, что, по всей видимости, напоминает красные канты погон и кителя офицерского обмундирования). «Военная» версия подтверждается и тем, что у белорусского названия одного из видов стрекоз (*маскаль*) есть параллель в словац. устар. *žandár*, польск. *szandar* 'то же' [ЭСБМ, т. 6, с. 246]; исходное значение этих метафорических энтомонимов – 'жандарм'.

Отмечаются и «столичные» обозначения п т и ц. Отдельно следует прокомментировать орнитоним *московка*, который в русских говорах служит именем для нескольких видов синиц: арх. 'синица сибирская, *Parus sibiricus*', симб., оренб. 'гаичка бурая, *Poecile patustris*', север. 'гаичка серая, *Parus borealis*' [СРНГ, т. 18, с. 285]. В литературном языке [ССРЛЯ, т. 6, с. 1286] *московкой* именуется черная синица, *Periparus ater*. Высказывалось предположение о том, что первоначальное русское название птицы не *московка*, а *масковка*; это мотивировано наличием черной «маски» из перьев, расположенной на голове синицы. По этой версии, исходное название приобрело «столичный оттенок» впоследствии¹⁶. Решение данного вопроса требует дополнительных изысканий, но, думается, более вероятно все же оттопонимическая версия. Во-первых, название *масковка* нам пока не удалось обнаружить в словарях (неизвестно, существовало ли оно). Во-вторых, черная синица водится преимущественно в хвойных лесах (ассоциирующихся с Россией); кроме того, в латинском названии одной из птичек, называемых *московкой*, есть определение *sibiricus* (см. выше). Интересно, что в Словаре Академии Российской слово *московка* дается с комментарием «только возле Петербурга употребительно» [САР, т. 4, с. 261]. Указанный ареал входит в ту зону, которую дают русские диалектные словари: Русский Север и Сибирь. Все это говорит в пользу понимания москочки как «северной» («русской») синицы.

Кроме синицы «московские» определения получают угод (укр., блр. *московська зозуля* («московская кукушка») [Гура, с. 600]), ворона (польск. *zieziulka moskiewska* («московская кукушка») [SW, t. 8, s. 503] и галка (манс. конд. *Maskâu kwörəx* («московская ворона») [Аникин, с. 374]). Этот ряд орнитонимов следует рассматривать на фоне других ксенонимических обозначений птиц, ср. рус. *чухонский попугай* 'клевст', дон. *панская сорочка* 'маленькая птица семейства вороновых', влг. *татарка-воронка* 'порода птиц', блр. *жыдоўски голубь* 'дикий голубь', болг. *турче* 'щегол' и т. п. (подробнее см. [Березович, 2007, с. 432–433]). Довольно легко убедиться, что этнономинации с «шовинистическим» уклоном получают так называемые «нечистые» птицы, часто отличающиеся от своих сородичей необычной внешностью или поведением. Характерный пример – обозначения удода, в образе которого есть следующие черты: «перелетная птица», «издает глухой крик», «имеет необычный вид»; дополнительный момент – резкий неприятный запах у мяса этой птицы (ср. устойчиво фиксируемое в народной куль-

¹⁶ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Московка>

туре представление о неприятном запахе многих инородцев [Белова, с. 58–61]). Кроме того, обращает на себя внимание такая особенность, как обозначение нечистых птиц через имена их более «благородных» двойников: например, ворона – это «московская кукушка» (польск. *ziewulka moskiewska*). Топоним «московская» при этом приобретает значение «псевдо», что, впрочем, не исключает и географической мотивационной составляющей («московская» = «русская», из России).

* * *

Итак, внимание авторов статьи было сосредоточено на комплексе языковых фактов, зафиксированных в русском и иностранных (преимущественно славянских) языках и составляющих деривационно-фразеологическое гнездо «Москва». Выявлялись основные смысловые линии, проявленные в этом гнезде, а также особенности языкового образа столицы, представленного в наивном сознании носителя языка.

Оказалось целесообразным расположить материал по тематическим рубрикам, позволяющим увидеть те сферы действительности, которые оказываются важны для говорящего при объективируемом в лексике «размышлении» о столице. Выявленные рубрики, как и следовало ожидать, заполняются языком неравномерно.

В настоящей статье, открывающей цикл из двух текстов на эту тему, рассматривалась доминантная для языкового портрета Москвы пространственная характеристика, своего рода «наивная география» российской столицы.

В сознании внесмоковского наблюдателя явно существует оппозиция периферии и центра и актуализируется центральное расположение Москвы внутри России, ср. кубан. *москва* ‘сердцевина арбуза’. При этом, конечно, важнее оказывается административная (социальная), а не географическая «центральность» города. Кроме того, Москва является своего рода крайней видимой точкой обзора, упирающейся в горизонт, о чем свидетельствует комплекс выражений, описывающих прозрачные жидкости (чай или суп), через которые *Москву видать*. Примечательно, что в сознании крестьян (как русских, так и их ближайших соседей по Российской империи) существует сценарий путешествия в Москву. Символика неближнего пути до «центра мира» проявляется во многих фраземах с предложной конструкцией *до Москвы*, например, *как до Москвы пешком (идти)* ‘далеко идти куда-то’. При этом представления о внутригородском пространстве Москвы оказываются максимально схематичными: это город, имеющий значительную протяженность, в котором можно заблудиться; в нем много больших домов и церквей с золотыми куполами и колоколами. Это взгляд приезжего, смотрящего на Москву издалека, как на картинку (ср. также мотив *показать Москву*).

География Москвы характеризуется и по таким параметрам, как климатические условия и природный мир. Эти идеограммы выделяются преимущественно со «страноведческих» позиций, в иностранных языках. Они реализуются в лексическом материале довольно лаконично и, по большей части, приравнены к российскому климату и русской природе. Внешнему взгляду «московская» (российская) погода представляется холодной и суровой, ср. польск. *mróz moskiewski*, итал. *Moscovita* 'о сильных морозах'. «Московская» флора представлена преимущественно названиями морозоустойчивых растений, пригодных для климата средней полосы России; фауна включает рыб, насекомых и птиц, названия которых по большей части указывают на «российскую» зону обитания (для птиц) или место улова (для рыбы). В наименованиях некоторых представителей фауны и флоры активизируется метафорическая ксенонимическая модель: например, укр. *москаль* 'клоп-солдатик', блр. *маскаль* 'стрекоза', польск. *moskalik* 'гриб подосиновик' воплощают представления о сходстве насекомых и грибов с солдатами русской армии.

Для внутрироссийского наблюдателя важна качественная оценка столичной «географии». Москва – «свое», обжитое, «цивилизованное» пространство, ср. арх. *Москвы уголок* 'о большой деревне, являющейся административным и культурным центром'; она обладает высоким социальным статусом, что, в частности, находит отражение в признаке верхнего положения, мотивирующем словац. диал. *moskál* 'верхний сноп в кладке снопов'. Следствием поездки в Москву может стать состояние удовольствия, ср. влг. *как в Москву съездить* 'о состоянии блаженства, полного удовлетворения чем-либо': «Выпили да закусили – хорошо, как в Москву съездили».

Изучаемый образ создан на основе системно-языковых данных, поэтому в его формировании участвуют не только когнитивно-прагматические факторы, но и факторы собственно языковые. Так, дериваты рассматриваемого гнезда обнаруживают семантическую диффузность вершинного слова: в некоторых регионах России (на Дону, в Сибири, в Архангельском Поморье) *Москва* иногда трактуется как Европейская Россия; в иностранных языках «московское» может приравниваться не только к «русскому», но и к «сибирскому», «азиатскому». Это вытекает из системных связей соответствующих макротопонимов, которые в языковом сознании дальнего наблюдателя могут выступать как своеобразные «аналоги» по отношению друг к другу.

Более полная картина будет получена в дальнейшем, при публикации второй статьи цикла.

- Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск : Наука, 2003.
- АОС – Архангельский областной словарь. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980 – . Вып. 1 – .
- Ахметова М. В.* Города как родственники (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке) // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 13. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 111–147.
- Белова О. В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М. : Индрик, 2005.
- БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971– . Т. 1– .
- Березович Е. Л.* Деривационная семантика *русского* в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 5–32.
- Березович Е. Л.* Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики // Язык и прошлое народа: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2012а. С. 25–52.
- Березович Е. Л.* Русская пища в зеркале иностранных языков (на материале производных от слов «русский», «Россия») // Антропологический форум. 2012б. № 17. С. 173–197.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
- Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А.* Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре. М., 2011. С. 110–157.
- Борисова О. Г.* Кубанские говоры. Материалы к словарю. Краснодар, 2005.
- Брысина Е. В.* Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003.
- БСЖ – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона СПб., 2000.
- БСРП – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2008.
- БСЭ – Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1949–1958. Т. 1–51.
- БТДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Ванюшечкин В. Т.* Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры: материалы по русской диалектологии. Воронеж, 1983.
- Володихин Д. М.* Московский миф. М. : Вече, 2014.
- Гринченко – Словарь украинского языка / сост. Б. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. 1–4.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882 (1989). Т. 1–4.
- Елистратов В. С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М. : АСТ : Астрель : Русские словари : Транзиткнига, 2004.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.
- Иванов Е. П.* Меткое московское слово: Быт и речь старой Москвы. М. : Московский рабочий, 1982.
- Иванова Т. А.* Киев и Москва в севернорусских былинах (на материале записей в Архангельском крае) // Київ і слов'янські літератури. Београд, 2013. С. 79–91.
- ИНС – Игры народов СССР: сб. материалов. М. ; Л., 1933.
- КСГРС – Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- КСРНГ – Картоотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- Кузьмич В.* Жгучий глагол: словарь народной фразеологии. М. : Зеленый век, 2000.
- ЛКТЭ – Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ЛЛ – *Хобзей Н., Симович К., Ястремська Т., Дидик-Меуш Г.* Лексикон львівський поважно і на жарт. Львів, 2009.
- Люсый А. П.* Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. М. : Вече : Русский импульс, 2013.
- Лютикова В. Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.

- МД – Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1: Младенчество; Детство. М., 1991.
- ММТ 1998 – Москва и «московский текст» русской культуры. М.: РГГУ, 1998.
- ММТ 2004 – Москва и «московский текст» в русской литературе и фольклоре: материалы VII Виноградовских чтений. М.: МГПУ, 2004.
- ММТ 2007 – Москва и «московский текст» в русской литературе XX века: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 11–12 нояб. 2005 года). М.: МГПУ, 2007. Вып. 3.
- Муравьев В. Б.* История Москвы в пословицах и поговорках. М.: Алгоритм, 2007.
- Неклюдов С. Ю.* Тело Москвы: К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 361–385.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://guscorpora.ru>.
- Номис – Українські приказки, прислів'я і таке інше / Укл. М. Номис. Київ, 1993.
- Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.
- Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Покровский Е. А.* Детские игры: преимущественно русские. СПб., 1994.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967– . Вып. 1 – .
- РФ – *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: АСТ : Астрель : Люкс, 2005.
- РЭФ – Русский эротический фольклор / сост. А. Л. Топоркова. М.: Ладомир, 1995.
- САР – Словарь Академии Российской (1789–1794). М., 2001–2005. Т. 1–6.
- СБНП – Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей. Мінск, 2011.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001– . Т. 1– .
- Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь. СПб., 2003 – . Вып. 1– .
- СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.
- СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб., 2001.
- СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. 1–2.
- СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965 – . Вып. 1 – .
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- ТСЯС – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- ТЭ – Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ФСГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / сост. Н. А. Ставшина. Сыктывкар, 2008.
- ФСПГ – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
- ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.
- Шапошников В.* Твои века, Кострома // На Костромской земле: лит.-худ. сб. Кострома, 2009. С. 3–18.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978 – . Т. 1– .
- Юрчанка Г. Ф.* І сячэ і паліць: Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны. Мінск, 1974.
- Ястребова Н. Г.* Москва в творчестве Ф. Н. Глинки и в фольклоре // Русская речь. 2012. № 5. С. 107–115.
- Battaglia S.* Grande dizionario della lingua italiana. Torino, 1961–2002. Voll. 1–21.
- DLR – Dicționarul limbii Române. T. IX. București: Editura Academiei Române, 2010.
- Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1885. Bd. 6. – DWB.
- Linde S.* Słownik języka polskiego. T. I–VI. Warszawa, 1807–1814.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968 (1971).

- PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. D. 1–8.
 SGŚC – Krop J., Twardzik J., Pilch J., Wronicz J. Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego. Wisła; Ustroń, 1995.
 SJPD – Słownik języka polskiego / red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. T. 1–11.
 SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991. Knj. 1–5.
 SSJ – Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959–1968. D. 1–6.
 SSN – Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 1994 – . T. 1 – .
 SW – Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. T. 1–8.
 Tyrpa A. Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich. Kraków, 2011.

Ahmetova, M. V. (2012). Goroda kak rodstvenniki (ob odnom tipe metaforicheskogo upotrebleniya terminov rodstva v russkom yazy'ke) [Cities as relatives (on one type of metaphorical usage of relationship terms in the Russian language)]. In *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy' rodstva. Sistemy' terminov rodstva* (Vol. 13, pp. 111–147). St. Petersburg: MAE' RAN.

Anikin, A. E. (2003). *E'timologicheskij slovar' russkih zaimstvovaniy v yazy'kah Sibiri* [Etymology dictionary of Russian loan words in languages of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

Antroponimicheskaya kartoteka toponimicheskoy e'kspedicii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazy'ka i obshhego yazy'koznaniya UrFU, Ekaterinburg) [Anthroponymic card-index of toponymic expedition of the Ural Federal University (chair of the Russian language and General linguistics, Ekaterinburg)].

Arhangel'skij oblastnoj slovar' [Arkhangelsk regional dictionary]. (1980). (Iss. 1). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.

Battaglia, S. (1961–2002). *Grande dizionario della lingua italiana*. (Vols. 1–21). Torino.

Belova, O. V. (2005). *E'tnokul'turny'e stereotipy' v slavyanskoj narodnoj tradicii* [Ethnocultural stereotypes in the Slavic popular tradition]. Moscow: Indrik.

Berezovich, E. L. (2007). *Yazy'k i tradicionnaya kul'tura. E'tnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture. Ethnolinguistic researches]. Moscow: Indrik.

Berezovich, E. L. (2011). Derivacionnaya semantika russkogo v russkih harodny'h govoraх [Derivational semantics of 'russian' in Russian folk dialects]. *Russkij yazy'k v nauchnom osveshhenii*, 2 (22), 5–32.

Berezovich, E. L. (2012). Mestny'e toponimy' v svete derivacionnoj i frazeologicheskoy semantiki [Local toponyms in the light of derivational and phraseological semantics]. In *Yazy'k i proshloe naroda: sbornik nauchny'h statej pamyati prof. A. K. Matveeva* (pp. 25–52). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta.

Berezovich, E. L. (2012). Russkaya pishha v zerkale inostranny'h yazy'kov (na materiale proizvodny'h ot slova "russkij", "Rossiya") [Russian food in foreign languages (on the examples of derivatives from "Russian", "Russia")]. *Antropologicheskij forum*, 17, 173–197.

Berezovich, E. L. & Krivoshepova Iu. A. (2011). Sibir' v russkoj yazy'kovoj tradicii (na inoyazy'chnom fone) [Siberia in Russian language traditions (on foreign language background)]. In *Prostranstvo i vremya v yazy'ke i kul'ture* (pp. 110–157). Moscow.

Birih, A. K., Mokienko, V. M. & Stepanova, L. I. (2005). *Russkaya frazeologiya. Istoriko-e'timologicheskij slovar'* [Russian phraseology. Historical-etymological dictionary]. Moscow: AST: Astrel': Lyuks.

Bol'shaya sovetskaya e'nciklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. (1949–1958). (2nd ed.). (Vols. 1–51). Moscow.

Bol'shoj tolkovy'j slovar' donsogo kazachestva [Great explanatory dictionary of Don Cossacks]. (2003). Moscow.

Borisova, O. G. (2005). *Kubanskiye govory'. Materialy' k slovarju* [Kuban dialects. Materials for the dictionary]. Krasnodar.

Bry'sina, E. V. (2003). *E'tnokul'turnaya idiomatika donsogo kazachestva* [Ethnocultural study of idioms of Don Cossacks]. Volgograd.

B"lgarski etimologichen rechnik [Bulgarian etymology dictionary]. (1971). (Vol. 1). Sofia.

- Dal', V. I. (1880–1882 (1989)). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogoazy'ka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. (2nd ed.). (Vols. 1–4). St. Petersburg: Moscow.
- Dičionarul limbii Române*. (2010). (Vol. 9). București: Editura Academiei Române.
- Doroszewski, W. (Ed.). (1958–1969). *Słownik języka polskiego*. (Vols. 1–11). Warszawa.
- Elistratov, V. S. (2004). *Yazy'k staroj Moskvy': Lingvov'nciklopedičeskij slovar'* [Language of Old Moscow: Linguistic encyclopedia]. M0scow: AST: Astrel': Russkie sloviri: Tranzitkniga.
- E'timologičnij slovník ukrajn'skoj movi* [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. (1982–2012). (Vols. 1–6). Kiev.
- E'tymalagičny' slounik belaruskaj movy'* [Etymological dictionary of the Belorussian language]. (1978). (Vol. 1). Minsk.
- Frazeologičeskij slovar' russkih govorov Sibiri* [Phraseological dictionary of Russian dialects in Siberia]. (1983). Novosibirsk.
- Grimm, J. & Grimm, W. (1885). *Deutsches Wörterbuch*. Leipzig.
- Grinchenko, B. (Comp.). (1907–1909). *Slovar' ukraïnskogoazy'ka* [Dictionary of the Ukrainian language]. (Vols. 1–4). Kiev.
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotny'h v slavyanskoj narodnoj tradicii* [Symbolism of animals in Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik.
- Hobzej, N., Simovich, K., Yastremska, T. & Didyk-Meush, G. (2009). *Leksikon l'vivskij: povazhno i na zhart* [Lexicon of Lvov: official and unofficial]. Lvov.
- Igry' narodov SSSR: sb. materialov* [Games of the nations of the USSR: collection of materials]. (1933). Moscow; Leningrad.
- Ivanov, E. P. (1982). *Metkoe moskovskoe slovo: By't i rech' staroj Moskvy'* [Choice word of Moscow: life and speech of old Moscow]. Moscow: Moskovskij rabochij.
- Ivanova, T. A. (2013). Kiev i Moskva v severnorusskih bylinah (na materiale zapisej v Arhangel'skom krae) [Kiev and Moscow on northern Russian bylinas (on the materials of notes made in Arkhangelsk region)]. In *Kiev i slavyanskaya literatura* (pp. 79–91). Belgrad.
- Karłowicz, J., Kryński, A. & Niedźwiedzki, W. (1900–1927). *Słownik języka polskiego* (Vols. 1–8). Warszawa.
- Kartoteka slovarya govorov russkogo severa (kafedra russkogoazy'ka i obshhegoazy'koznaniya UrFU, Ekaterinburg)* [Card-index of the dictionary of dialects of Russian north (chair of the Russian language and General linguistics of the Ural Federal University, Ekaterinburg)].
- Kartoteka slovarya russkih narodny'h govorov (Institut lingvističeskikh issledovanij RAN, Sankt-Peterburg)* [Card-index of the dictionary of Russian folk dialects (Institute of linguistic researches Russian Academy of Sciences, St. Petersburg)].
- Krop, J., Twardzik, J., Pilch, J. & Wronicz, J. (1995). *Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego*. Wisła; Ustroń.
- Kuz'mich, V. (2000). *Zhguchij glagol: slovar' narodnoj frazeologii* [Pungent word: dictionary of popular phraseology]. Moscow: Zelenyj vek.
- Leksicheskaya kartoteka toponimicheskoy e'kspedicii Ural'skogo universiteta (kafedra russkogoazy'ka i obshhegoazy'koznaniya UrFU, Ekaterinburg)* [Lexical card-index of toponymic expedition of the Ural University (chair of the Russian language and General linguistics of the Ural Federal University, Ekaterinburg)].
- Linde, S. (1807–1814). *Słownik języka polskiego*. (Vols. 1–6). Warszawa.
- Lyusy'j, A. P. (2013). *Moskovskij tekst: tekstologičeskaya koncepcija russkoj kul'tury'* [Moscow text: textological concept of Russian culture]. Moscow: Veche: Russkij impul's.
- Ljutikova, V. D. (2000). *Slovar' dialektnoj lichnosti* [Dictionary of dialect personality]. Tyumen.
- Machek, V. (1968 (1971)). *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha.
- Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyj slovar'azy'ka Sovdep'ii* [Explanatory dictionary of the Sovietdom language]. St. Petersburg: Folio-Press.
- Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2000). *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [Great dictionary of Russian jargon]. St. Petersburg.
- Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2008). *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [Great dictionary of Russian sayings]. Moscow.
- Moskva i "moskovskij tekst" russkoj kul'tury'* [Moscow and "Moscow text" of Russian culture"]. (1998). Moscow: RGGU.
- Moskva i "moskovskij tekst" v russkoj literature i fol'klоре: materialy VII Vinogradovskih chtenij* [Moscow and "Moscow text" in Russian literature and folklore: materials of VII Vinogradov readings]. (2004). Moscow: MGPU.

Moskva i "moskovskij tekst" v russskoj literature XX veka: materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 11–12 noyabrya 2005 goda) [Moscow and "Moscow text" in Russian literature of 20th century: materials of international research conference (Moscow, 11–12 November 2005)]. (2007). (Iss. 3). Moscow: MGPU.

Mudrost' narodnaya. Zhizn' cheloveka v russskom fol'klore. Vyp. 1: Mladenchestvo; Detstvo [Folk wisdom. Life of man in Russian folklore. Iss. 1: Infancy; Childhood]. (1991). Moscow.

Murav'ev, V. B. (2007). *Istoriya Moskvy' v poslovczah i pogovorkah* [History of Moscow in proverbs and sayings]. Moscow: Algoritm.

Nacional'nyj korpus russskogo yazy'ka [National corpus of the Russian language]. Retrieved from: <http://ruscorp.ru>

Neklyudov, S. Yu. (2005). Telo Moskvy': K voprosu ob obraze "zhenshhiny'-goroda" v russskoj literature [Body of Moscow: On the image of "city-woman" in Russian literature]. In *Telo v russskoj kul'ture* (pp. 361–385). Moscow.

Nomis, M. (Comp.). (1993). *Ukrainski prikazki, prisliv'ya i take inshe* [Ukrainian sayings, proverbs and so on]. Kiev.

Opy't oblastnogo velikorussskogo slovarya, izdannyy' Vtory'm otdeleniem Imperatorskoj akademii nauk [Attempt of regional Great Russian dictionary published by the Second department of Imperial academy of science]. (1852). St. Petersburg.

Podvy'soczkiy, A. I. (1885). *Slovar' oblastnogo arhangel'skogo narechiya v ego by'tovom i e'tnograficheskom primenenii* [Dictionary of regional Arkhangelsk dialect in its domestic and ethnographic use]. St. Petersburg.

Pokrovskij, E. A. (1994). *Detskie igry': preimushhestvenno russskie* [Children games: mostly Russian]. St. Petersburg.

Přiruční slovník jazyka českého. (1935–1957). (Vols. 1–8). Praha.

Prokosheva, K. N. (2002). *Frazeologicheskij slovar' permskih govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm.

Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov regional dictionary with historical data]. (1967). (Iss. 1). Leningrad.

Seliger: Materialy' po russskoj dialektologii: slovar' [Seliger: materials on Russian dialectology: dictionary]. (2003). (Iss. 1). St. Petersburg.

Shaposhnikov, V. (2009). Tvoi veka, Kostroma [Your ages, Kostroma]. In *Na Kostromskoj zemle: literaturno-hudozhestvennyj sbornik* (pp. 3–18). Kostroma.

Slovar' Akademii Rossijskoj (1789–1794) [Dictionary of Russian Academy (1789–1794)]. (2001–2005). (Vols. 1–6). Moscow.

Slovar' govorov russskogo severa [Dictionary of dialects of Russian north]. (2001). (Vol. 1). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Slovar' permskih govorov [Dictionary of Perm dialects]. (2000–2002). (Iss. 1–2). Perm.

Slovar' pskovskih poslovcz i pogovorok [Dictionary of Pskov proverbs and sayings]. (2001). St. Petersburg.

Slovar' russskih govorov na territorii Respubliki Mordoviya [Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia]. (2013). (Part 1–2). St. Petersburg.

Slovar' russskih govorov Yuzhnogo Prikam'ya [Dictionary of Russian dialects of the southern Kama region]. (2010–2012). (Iss. 1–3). Perm.

Slovar' russskih narodny'h govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. (1965). (Iss. 1). Moscow; Leningrad.

Slovar' sovremennogo russskogo literaturnogo yazy'ka [Dictionary of modern Russian literary language]. (1948–1965). (Vols. 1–17). Moscow; Leningrad.

Slovar' slovenskega knjižnega jezika (1970–1991). (Vols. 1–5). Ljubljana.

Slovník slovenského jazyka (1959–1968). (Vols. 1–6). Bratislava.

Slovník slovenských nářečí (1994). (Vol. 1). Bratislava.

Stavshina, N. A. (2008). *Frazeologicheskij slovar' russskih govorov Nizhnej Pechory'* [Phraseological dictionary of Russian dialects of Lower Pechora]. Syktyvkar.

Toponimicheskaya kartoteka toponimicheskoy e'kspedicii Ural'skogo universiteta (kafedra russskogo yazy'ka i obshhego yazy'koznaniya UrFU, Ekaterinburg) [Toponymic card-index of toponymic expedition of the Ural University (chair of the Russian language and General linguistics of the Ural Federal University, Ekaterinburg)].

Toporkova, A. L. (Comp.). (1995). *Russskij e'roticheskij slovar'* [Russian erotic dictionary]. Moscow: Ladomir.

Tyrpa, A. (2011). *Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich*. Kraków.

Vanyushechkin, V. T. (1983). *Slovar' russkikh narodny'h govorov Ryazanskoj Meshhery': materialy' po russkoj dialektologii* [Dictionary of Russian folk dialects of Ryazan Meshchera: materials on Russian dialectology]. Voronezh.

Volodihin, D. M. (2014). *Moskovskij mif* [Moscow myth]. Moscow: Veche.

Volodina, T. V. & Salavej, M. (Comp.). (2011). *Slounik belaruskich narodny'h parau-namyau* [Dictionary of Belarussian folk comparisons]. Minsk.

Yurchanka, G. F. (1974). *I syache' i palicz': Ustojlivy'ya slovazluche'nni u gavorczy' Mscislaushchy'ny'* [And cuts and burns: idiomatic expressions in the speech of Mstislavl region]. Minsk.

Yastrebova, N. G. (2012). *Moskva v tvorchestve F. N. Glinki i v fol'klore* [Moscow in works of F. N. Glinka and in folklore]. *Russkaya rech'*, 5, 107–115.

The article was submitted on 15.09.2014

Елена Львовна Березович

профессор

Россия

Уральский федеральный

университет

berezovich@yandex.ru

Elena Berezovich

Professor

Russia

Ural Federal University

berezovich@yandex.ru

Юлия Александровна

Кривошапова

к. филол. н.

Россия

Специализированный учебно-

научный центр УрФУ

insekt@yandex.ru

Iulia Krivoshchapova, Dr

Russia

Specialized Educational Scientific

Center,

Ural Federal University

insekt@yandex.ru